

Михаил Веллер: Большевики на 70 лет отложили развал империи

Михаил Веллер, писатель. Ура! Республика! Любое государство - это система аппаратов насилия. В любом государстве человек несвободен, так как делегирует часть своих свобод государству. Но к империи это правило относится в особенной степени, потому что империя включает в себя народы завоёванные, которые и не хотели договариваться о включении в это государство и которые в глубине души мечтают из него сбежать. Таким образом - и это очень важно! - как только в империи уменьшается уровень насилия, так центробежные силы в империи начинают преобладать над центростремительными. И она разваливается. Это ответ на так называемую вечную загадку, почему революции и развалы происходят в деспотических ещё вчера государ­ствах не тогда, когда деспотия, а когда либеральный государь начинает мягкие преобразования. А потому что именно тогда стремление индивидуальности к свободе может реализовать себя. Каждый человек по отдель­ности стремится к анархии: делать всё, что заблагорассудится, и никому не подчиняться. Но люди, собираясь в социум, сами строят для себя здание. У кого получается общежитие, у кого - фабрика, у кого - тюрьма. И в первых числах марта 1917 года тюрьму народов (т. е. Российскую империю) во всеуслышание объявили таковой и одновременно объявили разваленной. В России произошла революция. Царь отрёкся. Ура! Республика!

Михаил Веллер. Диктатура - это не всегда плохо

В этих условиях демократия в России расцвела садом пышных цветов. Шла уйма разговоров. Если сейчас поднять в хранилищах статьи тех времён, то мы поразимся двум вещам: уровню интеллигентности и культурной образованности партийных и политических лидеров той эпохи и абсолютной бессодержательности - с практической точки зрения - их речей. В этих условиях в апреле с прибытием сначала тов. Ленина, а позднее тов. Троцкого Россия получила маленькую партию абсолютно нероссийского типа. И главное - абсолютно нероссий­ской ментальности. Это были люди предельно конкретные, жёсткие, прагматичные, циничные. И с отличной практической смёткой. За десятилетия унижительной эмиграции они отлично знали, что нужно делать теперь, когда закипело. Сдерживающих факторов у них не было. И пока образованные и культурные политические партии решали некие высокие вопросы, партия большевиков держала курс исключительно на: а) захват власти; б) построение нового общества, каким она его видела. Придя к власти, большевики в течение пары месяцев запретили частную торговлю, закрыли практически все политические партии и газеты, включили печатный станок, дабы обесценить рубль и исключить денежное обращение, изъяли и национализировали все банковские вклады, объявили о запрете продавать свои жилища, национализировали жилищный фонд и т. д. Это привело к голоду, разрухе, протестам, Гражданской войне. Но, ошибаясь и в крови топя собственные ошибки, они твёрдо знали, чего хотели, и шли своим курсом. Наверное, это плохо - всё то, что они натворили, давя естественные порывы человеческого общества? Но теперь мы говорим, что хорошо другое. Они не позволили империи развалиться. Сначала они - абсолютно цинично, зная, что это временная тактическая мера, - объявили о поддержке права народов на самоопределение, и все, кто борется за свободу, - их друзья и союзники. И они, большевики, им помогут. Таким образом все национальные провинции оказались союзниками большевиков в борьбе против добровольческих сил. Ну а когда «единую и неделимую» победили, большевики - по одному, жёстко - прибрали национальные окраины к рукам, чтобы там пикнуть никто не смел. От развала империю большевики избавили ещё на 70 с лишним лет. Хроника Октябрьской революции 1917 года >>> Развал неизбежен?

Михаил Веллер. Ностальгия по подвигу

Почему же большевики победили? Когда в апреле Ленин «сплясал» на броневике свои апрельские тезисы, его с насмешкой освистали не только враги, не только толпа, но и друзья по партии. Над ним издевались и в Думе, и на улице. Ну а в июле его тезисы были уже приняты разросшейся партией большевиков за основу действий. Большевики не останавливались ни перед какими препятствиями. Если нужно кого-то обмануть, мы обманем, если нужно расстрелять - расстреляем. Если нужно опрокинуть извечные человеческие представления о том, что можно владеть тем, что ты заработал, что твои деньги - твои, они это опрокидывали, не колеблясь ни секунды. И в результате они, будучи малочисленными, но очень высоко­организованными (как сказали бы сейчас - очень жёстко структурированными), победили огромные аморфные массы политических противников. Которые не могли допустить введения военной диктатуры Корнилова и Каледина: как бы они не задушили молодую русскую демократию. Которые не могли допустить обмана, кровавого насилия как прин­ципа действий и в результате проиграли. На уровне теоретическом - в чём была величайшая ошибка всех сил сопротивления большевикам? А ведь в эти силы входило едва ли не всё российское политическое простран­ство. Сторона белая - контрреволюционная - провозглашала политику непредрежденчества: взять власть, сдать её Учредительному собранию и взять под козырёк. А оно, собрание, пусть потом решает. Но люди не могут бороться за некое Учредительное собрание, которое что-то потом решит. Люди должны знать, что будет с землёй, что будет с заводом и мастерской, что будет со свободой и деньгами. Вот за это воевать они пойдут. И это до боли напоминает ситуацию с сегодняшней российской оппозицией, которая

полагает, что мы сначала проведём честные выборы, а уже потом будем сообща решать, как именно реформировать и обустроить страну. Дело здесь не в том, что история ничему не учит, а в том, что уровень политической пригодности политиков с годами и тысячелетиями не меняется. Пригодность политика к решению задачи определяется только одним - способностью решить эту задачу ЛЮБЫМИ средствами, ибо иных средств история не признаёт. История не очень хочет соотноситься с моралью. У истории свой взгляд на своё собственное поступательное движение. И тот, кто хочет мораль поставить выше практической истины, к сожалению, в результате гробит не только практическую истину, но и прекрасную мораль, которую он провозглашал, но для торжества которой ничего не сумел сделать. Что было бы, если бы революции 25 октября так и не произошло? Россия была бы приблизительно в своих сегодняшних границах не с 1991 г., а с 1917-го. Разумеется, это чрезвычайно мешало бы концентрации сил и средств - материальных, интеллектуальных, технических - на решение великих задач: ведь масштабы территории и количество народа на них были бы значительно скромнее. Во-вторых, все народы имеют свои национальные особенности и по-разному реагируют на вызовы эпох. В условиях демократии, в условиях равных возможностей для всех Россия мгновенно дифференцируется на бандитов всех мастей, которые гнут под себя слабых, - и на слабых, которые плачут, но не могут скрутить этих бандитов, а могут только поодиночке перебираться из своего большого нищего лагеря в их маленький и богатый. Есть подозрение, что, останься Россия демократической в 1917-м, произошло бы то же самое, что произошло в демократической России в 1991-м. Только развал был бы взят с точки, более низкой. Читайте также: Эдуард Тополь: Если бы победили белые, а не красные, мы были бы белые и пушистые Павел Санаев: Если бы не октябрь 1917-го, Россия была бы Америкой